

было, и ревизор высадил нас на последней остановке перед Ленинградом. Это была станция «Детское село», г. Пушкин.

Когда мы вышли, то увидели, что вокруг ни одной души: пустая улица, полуразрушенный город. Мы решили остаться там. Нашли две комнатки в коммунальной квартире, недалеко от Александровского парка.

Там и жили. Потом отец вернулся из армии, устроился управхозом в Пушкине и выхлопотал нам отдельную квартиру.

О победе я узнал в школе города Пушкин. Помню, как мы, школьники, до хрипоты кричали: «Ура!». Очень радовались... Все.

Дарина
Боровкова,
Анастасия Золина

*Выстоять.
Победить.
Вернуться домой*

Свидерская Галина Евгеньевна в годы войны была еще ребенком. С ее слов мы записали эту историю.

Я родилась в 1931 году. Когда началась война, мне было десять лет, а моей сестре — четыре года, так что мы встретили войну детьми.

Признаки приближающейся войны, конечно, были. Это понимала даже я в свои десять лет. Был так называемый «Инцидент на озере Хасан» на Дальнем Востоке. Это был инцидент с Японией. Там впервые проявил себя маршал Жуков. Была и Финская война. И, наконец, к нам пришла Великая Отечественная...

22 июня стоял прекрасный летний день. Мама одела меня в нарядное платье, вышитое ее руками. Все были счастливы и довольны, хоть и немного насторожены. Должен был выступить Молотов.

В час дня мы слышали его по радио. Он сказал, что в 4:00 началась война. Это было очень тяжелое для всех известие.

Сталин выступил только 3 июля. Он необычно начал свою речь, адресованную стране и народу: «Дорогие братья и сестры, обращаюсь к вам»...

Он сказал, что началась война, что наше дело правое, и мы победим.

Мы жили в Павловске, в тихом провинциальном городке. Кругом цвели цветы. Все были настроены на мирную жизнь, но — война зашагала по стране.

Папа не был мобилизован, как инженер высокой квалификации. Он получил бронь. Однажды мама поехала за папиной зарплатой в Ленинград и увидела, что учреждения эвакуируются... Помню, какой для мамы это был тяжелый момент, ведь она понимала: папу тоже эвакуируют, к нам сюда он уже не вернется.

Стали строить окопы. Нас, детей, это чрезвычайно развлекало. Взрослые копали что-то, закидывали ветками. Мы туда прыгали... Война пока была для нас игрой.

Но, тем не менее, всюду горели синие лампочки. Было темно. Приходилось заклеивать окна белыми полосками, чтобы они не лопались при бомбежках. Вечером их занавешивали одеялами. Никаких штор не было. Дежурные ходили, смотрели, чтобы нигде не просачивался свет.

Вот так мы жили до той поры, пока перед мамой не встал вопрос: уезжать нам или оставаться?

Что такое война и как она продвигается, пока не знал никто. Мы знали только, что есть фронт, что немцы наступают, но это не обсуждалось. Безусловно, мы знали, что ночью подъезжали грузовики к дворцу, и что-то вывозилось. Но это все делалось тайно, и об этом нельзя было говорить.

Все отговаривали маму от отъезда. Переживали, как она с двумя детьми поедет в чужое место.

Наша няня (а именно она занималась нашим с сестрой воспитанием, поскольку родители много работали) уехала в отпуск в Псковскую область, в Опочку. Вернулась в страшном состоянии. Она упала перед мамой на колени и сказала: «Ради Бога, разрешите мне быть с вами! Там немцы, а я — одна во всем мире. Разрешите мне быть около вас». Таким образом, у мамы на руках оказалась трое иждивенцев: я, сестра и наша няня.

Мама, конечно, не понимала, что ей делать. Приехал папин брат, очень эрудированный человек. Видимо, сказал маме то-то важное. После этого стало известно: мы уезжаем.

Мы уехали 27 июля. Прибыли в город Горький (Нижний Новгород).

Пока добирались до Горького, в стране происходили страшные события. Через десять дней после того, как мы покинули Павловск, была прорвана Лужская оборона. Немцы были совсем рядом с нами. Потом был взят Шлиссельбург, через который мы только что проплыли.

В Горьком мы впервые увидели множество беженцев: оборванных людей с котомками, и без котомок, и просто без всего.

На Волге с баржи мы пересели на пароход. Там маму узнала ее пациентка из Павловска. Она была среди беженцев — с маленькими котомочками, с маленькими детьми — и сказала, что Павловск и Пушкин горят.

Мы поплыли дальше, и прибыли в Сенгилей. Там нам выделили брошенный дом. Мама с первого же дня начала работать.

Сестра оказалась в детском саду, я пошла в школу, в четвертый класс, а

няня — на трудовые работы в колхоз. Папа был еще все в той же далекой командировке на Печоре. Он нам писал. После школы я бежала на почту, где на мамино имя получала корреспонденцию.

Когда Павловск стал гореть, те, кто там были, бежали в Ленинград, в том числе и наши родственники. В блокадную зиму у нас погибло десять человек. Среди них были два моих двоюродных брата и тетя Лена, которая воспитывала меня в детстве вместе с няней.

Мы ждали писем из Ленинграда, но они приходили очень редко. Мы очень хотели, чтобы наши родные уехали оттуда, и так ждали их в марте! Но к апрелю узнали, что умерли почти все. Ждали дядю, который перебирался через Ладогу по Дороге Жизни, но он умер на том берегу Ладоги.

Когда эвакуированные из блокадного Ленинграда перебирались через Ладогу и попадали к нам, наше самое большое желание было всех накормить. Но они не могли есть. Многие погибали от несварения.

Так мы прожили осень и зиму в Сенгилее. С едой становилось все труднее и труднее. Папа вернулся из командировки к нам. Он показывал мне, как нужно пилить и колоть дрова, чтобы топить ими большую печь.

Подошел Новый Год. Елочек на Волге не было — мы наряжали гирляндами маленькую сосенку.

Мы устраивали концерты. На них пели песни, например: «Гитлер дал войскам приказ, и послал солдат немецких против нас, детей советских, это значит — против нас...» (на слова С. В. Михалкова).

Наступила весна, и все стали сажать огороды. Около дома копали землю и высаживали картошку, морковь, все, что можно. Сажали тыквы, няня учила меня, как бросать просо в землю. Было уже не так страшно, потому что у нас появлялась еда.

Я видела, как на соседнем участке женщины поднимали, вскапывали землю. Поднимать слой тяжелой земли лопатой было им не под силу — и они впрягались и прокладывали борозду плугом. Лошадей не было. Пахали на женщинах...

Наступило лето. Мы купались в Волге, и всем было радостно. Но тут стали массово прибывать ленинградцы после блокады. Это были скелеты с громадными глазами. Люди боялись с ними мыться в бане, садиться на одну лавку. На них страшно было смотреть, а не то, что им спину потереть... Тем не менее, это были счастливицы: ведь они выжили!

Люди боялись вшей. Но санитарная служба работала великолепно. В каждой бане был санпропускник. Прежде чем войти мыться, все должны

были сдавать туда всю свою одежду, и получали ее на выходе из бани — горячую, прожаренную.

Настала осень 1942 года — появилось слово «Сталинград».

Сталинград был от нас недалеко. Он находился ниже по течению. Мы не знали, откуда там подошли немцы, мы не знали, что они прорвали южный фронт.

Люди стали собираться и уезжать. Но куда было уезжать нам? Папа опять уехал. Мама была с нами... Мы никуда не поехали. Но всю осень и начало зимы были в тревоге.

Мы знали, что армия Паулюса побеждена нами. Это было величайшее событие в жизни нашей страны. После этого ход войны изменился.

Битва на Курской дуге и Сталинград повернули ход событий. Мы поняли, что мы побеждаем. Это трудно передать словами. Но в жизни людей того времени был лозунг: «Победить, выстоять, вернуться домой».

Нам многого было не надо: картошка ли, очистки ли — ели то, что есть. Об этом никто не говорил.

Между прочим, когда встречались люди, и кто-то спрашивал: «Ну как?», ему отвечали: «Хорошо».

Хорошо, что от кого-то с фронта письмо пришло. Хорошо, что есть сегодня кусок хлеба... Все у нас было хорошо.

Мы переехали в Москву. Там нас поселили в бараках для заключенных. Низкие, сырые бараки, стоящие прямо на земле, малопригодные для жизни. С питанием было чрезвычайно плохо. Питались очистками и маленькими кусочками хлеба. Это была очень тяжелая жизнь.

Через некоторое время я заболела туберкулезом. Для родителей это был страшный удар. Тогда ведь не было препаратов против туберкулеза.

Меня отправляли из одной больницы в другую, в туберкулезные институты.

Тем временем начался новый этап войны. Мы слышали о победах, салютах. Болезнь потихоньку отступила, и после долгого перерыва я вернулась в школу.

9 мая мама вместе с сестрой приехала ко мне в лесную школу для детей с ослабленным здоровьем, где я тогда училась.

Мы поехали на Красную площадь. У мамы была припасена маленькая баночка шпрот. Мы расположились на траве около Мавзолея, мама вскрыла эту баночку, и мы, сидя втроем у стен Кремля на Красной площади, отпраздновали Победу.

На Красной площади были толпы — москвичи, солдаты, офицеры. Люди кричали от радости, плясали, танцевали, целовали землю, целовали

друг друга. Чтобы понять, что такое настоящая радость, надо было побывать там. Мама решила нам это показать, и я ей бесконечно благодарна. Сколько бы ты ни читал о Победе и сколько бы ни смотрел по телевизору, ты не получишь представления об этом, если сам не увидал. Это было совершенно незабываемое зрелище.

Первый салют состоялся в 18:00 после войны. Он был посвящен Праге. Ведь когда взяли Берлин, еще не была побеждена Прага, там шли очень сильные бои. И поэтому первый салют был за Прагу.

А через час — Салют Победы. Выпускали бесчисленное количество ракет, блуждали лучи прожекторов — плыл по небу громадный портрет Сталина.